

КРИСТИНА СОЛЬ

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ

КНИГА 2:
ИНЖЕНЕР ПО СЛУЧАЙНОСТИ

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга

2. Инженер по случайности

<https://litres.ru/74272327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ирина Снежная — физик. Была физиком, пока эксперимент в собственной лаборатории не начал перебрасывать её из тела в тело — всегда в чужое и всегда за мгновение до смерти его хозяйки.

Теперь она приходит в себя в теле техника Зои: тяжёлые ожоги, заражение крови и меньше суток, чтобы выжить. Вокруг — Периметр, посёлок у старой электростанции, где молятся механизмам, боятся исправного генератора и верят, что аварии — это воля самой станции.

Но Зоя обгорела не случайно. За два года это уже третья смерть среди тех, кто слишком хорошо понимал, как работает станция.

У Ирины есть знания, которым здесь не доверяют, журнал погибшего инженера и единственный союзник — смотритель Максим. А ещё она знает: если ей удастся спасти Зою, то сама она исчезнет, а настоящая хозяйка тела очнётся, не помня ни её, ни человека, которого успела полюбить.

Вторая книга цикла «Хроники Снежной». Читается самостоятельно.

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга

2. Инженер по случайности

Глава 1. Выброс

Тьма отступала слоями, как всегда, — сначала пропал звук реки Пограничья, потом запах дымного костра, и последним ушло ощущение чужих рук, обнимавших меня на прощание. Пальцы всё ещё сжимали кольцо — металл, нагретый долгим удержанием, с гравировкой, впечатавшейся в ладонь так глубоко, что я почувствовала её раньше, чем открыла глаза.

Потолок надо мной был сероватым, в бурых потёках, там, где кафель откололся и обнажил металл под собой. Ровный писк, который я по инерции приняла за монитор в современной больничной палате, был на самом деле дыханием какого-то грубого механизма за стеной — компрессора или насоса, работающего с усилием, явно превышающим его ресурс. Игла в моей руке держалась не медицинским зажимом, а обычным пластырем, скрученным в несколько слоёв, хотя сама трубка, тянувшаяся от неё, была настоящей.

Не больница. Остаток больницы — обломок старого мира, который кто-то здесь заботливо поддерживал в рабочем состоянии, не понимая до конца, зачем именно.

Я успела подумать это последовательно, спокойно, как думает физик, попавший в незнакомую лабораторию: сначала инвентаризация обстановки, потом выводы. А потом пришла боль — и мысли кончились.

Не абстрактная боль перехода между мирами, которую я потом, вероятно, опишу себе так же отстранённо, как описываю сейчас потолок и капельницу. Настоящая, узкая, жгущая боль обожжённой плоти — она пришла резко, стирая всё остальное, включая кольцо, которое выскользнуло из разжавшихся пальцев и куда-то закатилось прежде, чем я успела его удержать.

Первое, что я осознала после боли: дышать больно. Второе: кто-то держит меня за запястье слишком крепко, словно боится, что я расползусь по частям, если он отпустит. Третье: голоса вокруг звучат неправильно — не с той интонацией, не с той скоростью, слишком много страха и слишком мало терминов.

— Держится, — сказал кто-то. — Ещё держится.

— На честном слове, — ответил второй голос, женский, уставший так, как устают не за одну ночь, а за годы. — Ожоги третьей степени на пятой части тела, инфекция уже в крови — я вижу это по цвету, без анализов вижу. У нас нет антибиотиков, которые с этим справятся. У нас вообще нет антибиотиков.

Я попыталась открыть глаза. Это заняло больше усилий, чем должно было — веки словно приклеили изнутри. Когда всё-таки получилось, первое, что я увидела, — низкий потолок из ржавого металла с потёками, и лампу, свисающую на проводе, слишком современную для стен вокруг неё и слишком тусклую для того, чтобы быть частью того же мира, что и эти стены.

Смешанная архитектура. Значит, старая инфраструктура жива, но обслуживается людьми, которые её не понимают, — это была первая мысль, ещё до имени, до лица, до боли. Не «где я», а «что здесь работает и почему». Я не знала, радоваться этому или тревожиться. Наверное, стоило тревожиться сильнее.

— Она очнулась, — произнёс мужской голос, тот самый, что держал меня за запястье.

Я повернула голову — движение отозвалось такой волной боли, что на секунду зрение растворилось в белом, — и увидела лицо. Обычное лицо, немолодое, покрытое сажей и потом, с глазами человека, который слишком долго смотрит на вещи, требующие починки, и слишком редко — на людей.

— Зоя, — сказал он. — Ты меня слышишь?

Зоя. Значит, так меня теперь зовут. Я попробовала произнести хоть что-то в ответ, но голос не шёл — горло саднило от дыма, не сожжено, но сорвано, как после долгого крика.

— Не пытайся говорить, — сказала женщина с уставшим голосом. Она наклонилась в поле моего зрения — пожилая, в фартуке, испачканном чем-то бурым, что я предпочла не идентифицировать точнее. — Меня зовут Марфа. Я здесь за медика, насколько это вообще можно назвать медициной. Ты попала под выброс из генераторного контура. Тебе повезло, что тебя вытащили быстро. Не повезло во всём остальном.

Генераторный контур. Выброс. Слова были знакомыми — слишком знакомыми для мира, который выглядел так, будто электричество здесь добывают молитвой. Я скосила взгляд, насколько позволяла шея, и увидела за спиной у Марфы обрывок стены с проводкой, аккуратно, почти любовно уложенной в защитные короба, — работа, требующая понима-

ния, а не только заученных движений.

Кто-то здесь ещё помнит, как это делается.

— Дым обжѐг ей дыхательные пути сильнее, чем хотелось бы, — продолжала Марфа, обращаясь скорее к мужчине, чем ко мне, точно я уже была не участником разговора, а его предметом. — Даже если инфекцию как-то остановить, лёгкие могут не выдержать. Максим, я не хочу тебе врать. У неё меньше суток, если ничего не изменится.

Максим. Так звали мужчину, который держал меня за запястье, — так плотно, что я только сейчас поняла: он не проверяет пульс, он просто не отпускает.

— Что тебе нужно, чтобы изменить? — спросил он.

Голос Марфы стал жѐстче — той особой усталостью, с которой говорят люди, слишком много раз объяснявшие очевидное тем, кто отказывается его принимать.

— Настоящий антисептик. Настоящие антибиотики. Оборудование, которого нет ни у меня, ни в аптечке Совета смотрителей, ни где-либо в Периметре, кроме, может быть, старых складов, куда без разрешения никого не пускают. Максим, я не чудотворец. Я умею зашивать раны и вправлять ко-

сти. Я не умею останавливать заражение крови голыми руками.

— Значит, найдём то, что нужно, — сказал он тоном человека, для которого фраза «этого не существует» звучит как техническое условие, а не как приговор.

— У тебя нет доступа к складам без санкции Совета. И даже если бы был — ты представляешь, чем это грозит, если тебя поймают за самовольным вскрытием?

— Предполагаю, — ответил Максим коротко, и по тому, как он это сказал, я поняла: он уже всё решил, ещё до того, как задал вопрос вслух.

Я хотела сказать им обоим, что не нуждаюсь в героизме, что мне нужно просто немного времени и трезвая оценка ресурсов, — но горло по-прежнему не слушалось, и вместо слов вышел только хрип, от которого Марфа испуганно отдёнулась, а Максим наоборот придвинулся ближе.

— Тихо, — сказал он. — Экономь силы. Мы разберёмся.

Я закрыла глаза: держать их открытыми стало физически невыносимо, — и позволила себе на секунду просто существовать в новом теле, инвентаризируя ущерб так, как

привыкла инвентаризировать неисправность любой системы: последовательно, без паники, начиная с того, что можно проверить прямо сейчас.

Дыхание — поверхностное, с явным сипением на вдохе. Кожа правой стороны тела — судя по ощущениям, а не по зрению, потому что смотреть туда пока не хотелось, — там, где боль перестаёт быть просто болью и превращается в белый шум, перекрывающий остальные сигналы. Сознание — на удивление ясное, учитывая обстоятельства, что само по себе было странно. В прошлый раз, помню, первые часы прошли смазанно: мозг новой хозяйки тела словно сопротивлялся вторжению. Сейчас сопротивления не было. Только тишина там, где должна быть чужая личность, — и это тревожило больше, чем ожоги.

— Она без сознания? — спросил чей-то ещё голос, третий, моложе.

— Кажется, спит, — ответил Максим. — Или потеряла сознание снова. Лада, принеси воды. Настоящей, из фильтра, не той, что раздают внешникам.

Внешники. Ещё одно слово из инвентаря этого мира, которое легло рядом с «генераторным контуром» и «Советом зрителей» — я собирала мозаику вслепую, на ощупь

определяя форму каждого фрагмента раньше, чем видела картинку целиком.

Я, наверное, действительно на несколько минут провалилась в забытё — не то настоящий сон, не то защитная реакция обгоревшего тела, — потому что следующее, что я осознала отчётливо, была тишина, нарушаемая только далёким гулом, ровным, механическим, знакомым до озноба.

Генератор. Работает. Значит, авария локализована, а не системная. Уже кое-что.

Я открыла глаза снова — на этот раз аккуратнее, готовая к боли, — и увидела, что комнату успели изменить: где-то раздобыли ещё одну лампу, ярче прежней, и разложили на грубом металлическом столе инструменты, назначение которых опознавалось с трудом — не хирургические в привычном смысле, а собранные из того, что нашлось: явно переделанные, явно самодельные, но с той аккуратностью подгонки, которая выдаёт понимающие руки.

Максим сидел рядом, всё ещё держа моё запястье, — не проверяя пульс, я была теперь в этом уверена, а просто не позволяя себе отпустить, словно физический контакт был единственным способом убедиться, что я ещё здесь.

— Ты вернулась, — сказал он, заметив, что я смотрю на него. Не вопрос — констатация, произнесённая с облегчением, которое он, судя по всему, сам от себя не ожидал.

Я попыталась ответить и в этот раз смогла — хрипло, тихо, но разборчиво:

— Сколько... у меня времени?

Он не ответил сразу. По его лицу прошла тень — не удивления от того, что я заговорила, а от того, как именно прозвучал вопрос: не «что со мной», не «где я», а прямая, техническая просьба об оценке оставшегося ресурса. Так не спрашивают люди, которые боятся умереть. Так спрашивают люди, которые привыкли планировать, исходя из известных ограничений.

— Марфа говорит — меньше суток, если ничего не изменится, — сказал он наконец, выбирая честность вместо утешения, за что я мысленно была ему благодарна ещё до того, как узнала его достаточно, чтобы благодарность имела смысл. — Но кое-что изменится. Я найду то, что нужно.

— Что случилось? — спросила я, и вопрос вышел двусмысленным даже для меня самой: я не знала, спрашиваю ли об аварии в генераторном блоке или о том, кто я такая для

этого человека, что он держит меня за руку так, словно от этого зависит его собственная жизнь.

— Взрыв в генераторном блоке, — ответил Максим, явно решив, что вопрос относится к очевидному. — Официально — твоя небрежность при обслуживании контура высокого напряжения. Ты одна там оставалась в ночную смену.

Небрежность. Слово прозвучало неправильно — не потому, что я что-то помнила о случившемся, я ничего не помнила, — а потому, что интонация, с которой Максим его произнёс, выдавала: он в это «официально» не верит ни секунды.

— А неофициально? — спросила я.

Он посмотрел

на меня долгим, диагностическим взглядом — так, наверное, смотрел на неисправный узел станции, пытаясь понять, где начинается поломка. Потом произнёс тихо, почти не разжимая губ, точно боялся, что стены услышат раньше, чем нужно:

— Неофициально — ты третья за два года, кто получает серьёзные травмы на исправном, казалось бы, участке станции. Богдан погиб так же — при обслуживании, «по неосторожности», годом раньше. Я не верю в такую статистику сов-

падений.

Богдан. Имя, которое ничего не значило для меня — для Ирины, — но которое, судя по тому, как дрогнул голос Максима, произнося его, значило очень многое для Зои, чьё тело я теперь занимала. Где-то на границе сознания шевельнулась пустота — не воспоминание, а форма отсутствующего воспоминания, контур того места, где должна была быть скорбь.

— Кто такой Богдан? — спросила я, и вопрос, наверное, прозвучал неправильно резко, слишком аналитически для человека, только что очнувшегося от смертельных ожогов и спрашивающего про недавно умершего наставника.

Максим посмотрел на меня иначе — не с подозрением ещё, но настороженно, так смотрят на что-то, переставшее совпадать с ожидаемой картиной.

— Ты не помнишь Богдана? — спросил он медленно.

Я поняла ошибку слишком поздно, чтобы её исправить чисто технически, — и решила исправить её единственным доступным способом: правдой, поданной так, чтобы не разрушить то небольшое доверие, которое уже успело возникнуть между этим человеком и телом, которое я занимала.

— Голова кружится, — сказала я. — После взрыва. Много путается.

Это было не совсем ложью. Голова действительно кружилась. Просто причина крылась не в контузии, а в том, что чужая жизнь, которую я унаследовала вместе с телом, всё ещё оставалась передо мной закрытой книгой, страницы которой предстояло читать методом проб и ошибок, стараясь не выдать себя раньше срока.

— Богдан учил нас обоих, — сказал Максим после паузы, которая длилась ровно столько, чтобы я поняла: он выбрал поверить моему объяснению, но не забыл странность вопроса. — Меня и тебя. Он один во всём Периметре по-настоящему понимал станцию — не через ритуалы Хранителей, а по-настоящему, руками, разумом. Он умер год назад. Официально — несчастный случай при ремонте водоочистки.

— А неофициально?

— Неофициально я думаю то же самое, что думаю про твой сегодняшний взрыв, — ответил Максим тихо. — Что кто-то один за другим убирает людей, которые понимают станцию лучше, чем положено понимать станцию простому технику.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла девушка — молодая, лет двадцати, в одежде с нашитыми символами, назначение которых я пока не могла расшифровать точно, но узнавала интуитивно: ритуальные знаки, а не декоративные. Она несла кружку с водой, держа её так осторожно, точно внутри было что-то священное.

— Максим, Хранители спрашивают, будет ли вечерний обряд перед генератором, — сказала она, стараясь не смотреть в мою сторону, — то ли из уважения к моему состоянию, то ли из суеверного страха перед обгоревшим телом. — После сегодняшнего... многие боятся, что механизмы разгневались.

Механизмы разгневались. Фраза прозвучала настолько буквально, что на секунду я усомнилась, не ослышалась ли, — но выражение лица девушки не оставляло сомнений: она произнесла это совершенно серьёзно, как констатацию факта, равную по достоверности утверждению, что вода мокрая, а огонь горячий.

— Обряд будет, Лада, — ответил Максим устало. — Скажи Хранителям, что я проведу его сам, как обычно.

Лада кивнула, поставила кружку рядом с постелью — так, чтобы я могла дотянуться, если найду силы, — и вышла, бро-

сив на меня последний, быстрый взгляд, в котором смешались жалость и что-то похожее на суеверный трепет.

— Обряд перед генератором, — повторила я вслух, когда дверь закрылась. — Что это?

Максим посмотрел на меня странно — так смотрят, когда собеседник спрашивает о вещи, которая должна быть очевидной для всех, кто прожил в этих стенах хотя бы неделю.

— Ты правда не помнишь? — спросил он снова, и в этот раз тревога в его голосе была куда отчётливее.

Я решила рискнуть чуть большей откровенностью, чем позволяла осторожность, — потому что молчание сейчас пугало его сильнее любой правды.

— Расскажи мне так, будто я не помню, — сказала я. — Пожалуйста.

Он помолчал, вглядываясь в моё лицо с прежним пристальным вниманием, — и, кажется, решил, что контузия достаточно правдоподобное объяснение, чтобы не задавать больше вопросов прямо сейчас, оставив их на потом.

— Каждый вечер Хранители проводят ритуал перед глав-

ным щитом станции, — сказал он. — Слова, затверженные за десятилетия повторения, движения, когда-то бывшие реальными техническими операциями, но давно превратившиеся в обряд. Считается, что генератор — не просто механизм, а нечто вроде... духа старого мира, заключённого в металл. Если он недоволен — свет мигает, вода портится, техника ломается. Если задобрить его ритуалом — всё снова работает.

— А на самом деле?

— На самом деле, — сказал Максим, понижая голос до почти неразличимого шёпота, — я предполагаю, что генератор работает или не работает по вполне обычным техническим причинам, которые кто-то нарочно создаёт, а потом позволяет Хранителям списывать на гнев механизмов. Но я не инженер в достаточной мере, чтобы доказать это. Богдан был. Ты... ты тоже была близка к этому пониманию. Может, ближе, чем он.

Я закрыла глаза на секунду, чтобы дать себе время осмыслить услышанное без риска, что лицо выдаст слишком много.

Технология, превращённая в мистику. Люди, разучившиеся быть инженерами, молящиеся перед распределительным

щитом. И кто-то — кто-то очень последовательный, судя по статистике несчастных случаев, — использующий этот страх как инструмент, устраняющий тех немногих, кто способен вернуть механизмам их истинную природу.

Я знала эту картину. Не эту конкретную станцию, не этих конкретных людей — но саму структуру ситуации я узнавала мгновенно, профессионально, как узнают знакомую форму уравнения под непривычными обозначениями переменных.

— Максим, — сказала я, открывая глаза, — мне нужно увидеть станцию. Сегодня, если получится. Если нет — завтра, как только смогу встать.

— Ты едва дышишь, — возразил он. — Марфа сказала...

— Марфа сказала, что у меня меньше суток без чуда, — перебила я его, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем позволяло горло. — Ты сказал, что найдёшь то, что нужно для чуда. Хорошо. Я тебе верю. Но пока ты его ищешь, дай мне заняться тем, что я умею, — искать причину, по которой людей вроде тебя, вроде меня, вроде Богдана продолжают убирать со станции одного за другим.

Он смотрел на меня долго — дольше, чем требовалось человеку, минуту назад настаивавшему на постельном режиме,

— и я видела, как в его взгляде происходит какая-то внутренняя перестройка: он пытался совместить образ измученной, обгоревшей девушки на грани смерти с тоном, которым она только что отдавала распоряжения так, словно уже была здесь главной.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Завтра. Не сегодня. Сегодня ты будешь спать, а я найду то, что нужно Марфе, даже если для этого придётся вскрыть склад голыми руками.

— Максим.

— Что?

— Спасибо, — сказала я, и это было первое по-настоящему честное, что я сказала с момента пробуждения в этом теле, — не потому, что боялась умереть, а потому, что видела: этот человек готов рискнуть постом, свободой, возможно, жизнью ради тела, которое я временно занимала, и я не знала, заслуживаю ли я этого доверия так же, как заслуживала бы его настоящая Зоя.

Он не ответил — только сжал моё запястье чуть крепче на мгновение, а потом отпустил наконец, впервые с момента, как я очнулась, и вышел, сказав что-то Ладе за дверью тихим, напряжённым голосом.

Я осталась одна в комнате с ржавым потолком и лампой на проводе, слушая далёкий ровный гул генератора — сердцебиение целого поселения, зависящего от механизма, который никто вокруг больше не понимал по-настоящему.

Где-то там, за стенами этой комнаты, находился щит с ритуальными надписями, у которого молились люди, чьи предки когда-то умели чинить его руками, а не словами. Где-то там одного за другим убирали тех, кто ещё помнил разницу между молитвой и инженерией.

Я закрыла глаза, позволяя усталости обгоревшего тела наконец взять верх, — но перед тем как сознание погасло, успела подумать: в прошлый раз я объясняла магию физикой. Здесь, кажется, придётся объяснять физику как чудо — просто чтобы её не спутали с ересью.

Генератор гудел ровно, будто ничего не случилось. Но я уже знала: это ненадолго.

Глава 2. Последняя ампула

Я проснулась от запаха — резкого, спиртового, совершенно не вписывающегося в мир ржавых труб и керосиновых

ламп, — и поняла ещё до того, как открыла глаза: Максим сдержал слово.

— Не двигайся, — сказала Марфа, склонившись надо мной с древним дозатором. Пластик пожелтел от времени, а тонкий наконечник был явно самодельным и похоже что он был выточен вручную под увеличительным стеклом человеком с удивительно терпеливыми руками. — Это последняя ампула на весь Периметр. Если она сработает — я поверю в чудеса. Если нет — по крайней мере, буду знать, что мы попробовали всё.

Я хотела спросить, откуда ампула, но горло всё ещё сипело, а вопрос и так казался излишним. Ответ сидел в дверном проёме, привалившись плечом к косяку с видом человека, не спавшего всю ночь и не собирающегося это признавать.

— Склад третьего яруса, — сказал Максим, не дожидаясь вопроса. — Старый медицинский резерв под пломбой Совета смотрителей. Я не спрашивал разрешения.

— Тебя видели? — спросила я.

— Меня всегда кто-нибудь видит, — ответил он с той сухой иронией, которая, кажется, была его основным способом не признаваться в страхе вслух. — Вопрос в том, доложат

ли, и если доложат, поверят ли, что смотритель станции полезен на склад ради техника, а не ради собственной выгоды. Пока это моя проблема, не твоя. Тебе нужно выздороветь, а не считать, во сколько мне обошлась эта ампула.

Марфа тем временем закончила укол и теперь обрабатывала участок обожжённой кожи составом, пахнущим спиртом и чем-то травяным

одновременно, — комбинация, которую я, как физик, оценила бы скептически, но которая, судя по тому, как быстро уходило жжение, работала лучше, чем я готова была признать без анализа состава.

— Что это? — спросила я, кивнув на банку с мазью.

— Смесь, которую делал Богдан, — ответила Марфа, не поднимая глаз от работы. — Спирт, вытяжка из коры одного дерева за периметром внешнего кольца, что-то ещё, чего он не успел мне полностью объяснить перед смертью. Работает лучше всего, что я умею готовить сама. Жаль, что он не оставил точный рецепт — только пропорции на глаз, а глаз у меня не такой, как у него был.

Пропорции на глаз. Незаписанное знание, умирающее вместе с носителем. Я запомнила это — не как деталь чужого горя, а как факт, требующий проверки: если Богдан умел

составлять действующий антисептик эмпирически, значит, у него хватало базовых знаний химии, чтобы понимать станцию не только механически, но и в более широком смысле. Человек такого масштаба знаний не бывает случайной жертвой случайного несчастного случая дважды в статистике маленького посёлка.

— Максим, — сказала я, когда Марфа закончила и вышла за новой порцией бинтов, оставив нас вдвоём в комнате с гудящей вдалеке станцией. — Расскажи мне про записи Богдана. Ты говорил вчера, что у него были пометки о нестабильности.

Он посмотрел на меня с тем же выражением, что и накануне, — смесью облегчения от того, что я жива, и настороженности от того, как быстро я перехожу от благодарности к делу.

— Тебе действительно не стоит сейчас об этом думать, — сказал он, но в голосе не было настоящей убеждённости, только формальная забота, за которой ощущалось: он и сам хочет об этом говорить, потому что молчал слишком долго в одиночку.

— Мне нечем больше заняться, кроме как лежать и думать, — ответила я. — Лучше я подумаю о чём-то полезном,

чем о собственных ожогах.

Он помолчал, потом опустился на низкий табурет рядом с постелью — не так близко, как накануне, когда держал меня за запястье, а на расстоянии, которое человек выбирает, когда готовится сказать что-то серьёзное и хочет иметь возможность отступить, если реакция окажется неожиданной.

— Записи Богдана хранятся у меня, — сказал он тихо. — Не все — часть я передал Совету после его смерти, как положено, часть... оставил себе, потому что не был уверен, что Совет распорядится ими правильно. Там есть журнал наблюдений за станцией. Даты сбоев, симптомы перед каждым сбоем, его собственные предположения о причинах. Он не верил, что всё это случайности. Я нашёл журнал уже после его похорон, разбирая вещи, — и с тех пор ношу его с собой, потому что не доверяю никому в Периметре настолько, чтобы оставить его где-то ещё.

— Покажешь мне?

— Покажу, — согласился он после долгой паузы: решение далось ему нелегко, но он принял его окончательно. — Не сегодня — сегодня тебе нужен покой, что бы ты сама об этом ни думала. Завтра, когда сможешь сидеть без посторонней помощи.

Я хотела возразить, но тело выбрало этот момент, чтобы напомнить о своих реальных возможностях: волна усталости прошла сквозь меня настолько ощутимо, что спорить дальше было бы просто нечестно по отношению к собственной физиологии.

— Хорошо, — сказала я. — Завтра.

Максим кивнул, и на секунду между нами повисла тишина, не тяжёлая, но и не совсем лёгкая — тишина двух людей, которые только вчера, по сути, познакомились по-настоящему, хотя, судя по обрывкам его слов и памяти тела, которое я занимала, знакомы были куда дольше.

— Можно спросить тебя кое о чём личном? — произнёс он неожиданно.

Я напряглась внутренне, хотя постаралась, чтобы лицо осталось спокойным.

— Спрашивай.

— Ты изменилась, — сказал он прямо, без предисловий, которых я боялась больше, чем самого вопроса. — Не физически — я понимаю, ожоги, шок, это объяснимо. Но то, как

ты говоришь. То, как ты спрашиваешь. Раньше ты... — он замялся, подбирая слово, — раньше ты действовала по наитию. Хорошему наитию, но наитию. Сейчас ты формулируешь вопросы так, будто выстраиваешь план расследования. Это пугает меня немного, если честно. Не потому, что мне это не нравится. А потому, что я не понимаю, откуда это взялось за одну ночь.

Я смотрела на него, взвешивая варианты ответа так же трезво, как взвешивала бы выбор материала для критического узла конструкции: слишком много правды — риск немедленного недоверия и разоблачения на самом старте; слишком много лжи — риск потерять единственного человека в Периметре, готового мне доверять без доказательств.

— Может быть, близость к смерти что-то меняет в человеке, — сказала я наконец, выбирая формулировку, которая была не совсем ложью и не совсем правдой одновременно. — Заставляет расставлять приоритеты иначе. Мне сейчас не до наития, Максим. Мне нужно понять, кто и зачем убивает инженеров этой станции один за другим, потому что, если я не пойму этого достаточно быстро, я, вероятно, стану следующей записью в журнале Богдана.

Он смотрел на меня долго, и по его лицу прошла та же тень сомнения, что и накануне: попытка совместить преж-

ний образ человека, которого я замещала, с новой, непривычной прямоотой моих слов. В конце концов что-то в его лице смягчилось — не полное принятие, но готовность отложить вопрос до лучших времён.

— Хорошо, — сказал он. — Отдыхай. Завтра поговорим о журнале.

Он поднялся, задержавшись на секунду у двери.

— Зоя.

— Да?

— Я рад, что ты не следующая запись, — сказал он тихо и вышел, прежде чем я успела ответить хоть что-то на это.

Я проспала остаток дня урывками — не тем целительным сном, который обещает восстановление, а скорее серией провалов сознания, между которыми тело напоминало о себе то жжением, то ознобом, то короткими вспышками боли там, где повязка натягивалась при малейшем движении. Но к вечеру, когда Лада принесла мне похлёбку из чего-то, отдалённо напоминающего овощи, я уже могла сидеть, опираясь на подушки, и есть самостоятельно, пусть медленно и неуклю-

же левой рукой, потому что правая была слишком плотно забинтована.

— Тебе повезло, — сказала Лада, устраиваясь на табурете, который до этого занимал Максим, и явно не спеша уходить, несмотря на очевидную усталость в её движениях. — Марфа говорила, что таких ожогов обычно не переживают. Ты, наверное, сильна духом.

Я хотела ответить что-то вежливо-уклончивое, но что-то в её фразе зацепило меня профессиональным любопытством.

— Ты правда веришь, что выживание — вопрос силы духа, а не медицины? — спросила я осторожно, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как искренний интерес, а не как насмешка над её мировоззрением.

Лада посмотрела на меня с лёгким удивлением — сам вопрос, похоже, показался ей странным, не оскорбительным, а просто непривычным по форме.

— А разве это не одно и то же? — спросила она в ответ. — Марфа делает своё, механизмы станции делают своё, но в конце концов всё зависит от того, готовы ли механизмы принять человека обратно. Генератор мог забрать тебя вчера. Не забрал. Значит, ты ему для чего-то ещё нужна.

Я не ответила сразу, обдумывая услышанное со смесью научного интереса и лёгкой тревоги — примерно так инженер слушает, как искренне верующий человек описывает мистическую конструкцию как проявление воли высших сил. Генератор её не забрал не потому, что она ему нужна, а потому, что генератор — неодушевлённый механизм, работающий по законам термодинамики, и мою жизнь спасли Марфа, антисептик, приготовленный по эмпирической рецептуре Богдана, и упрямство Максима, рискнувшего складом Совета. Но объяснять это Ладе сейчас означало бы разрушить единственную систему смысла, которая помогала ей справляться со страшным, непредсказуемым миром за пределами её понимания, — а я ещё не была готова к такому разговору, ни с ней, ни с кем-либо ещё в Периметре.

— Может быть, ты права, — сказала я вместо этого, и это была, наверное, первая настоящая ложь, которую я произнесла в этом теле, — не потому, что боялась Лады, а потому, что понимала: правда потребует времени, доказательств и, возможно, куда больше доверия, чем один вечер знакомства мог обеспечить.

Лада улыбнулась, довольная ответом, и перевела разговор на менее опасную территорию — рассказала мне, кто из жителей Периметра приходил справиться о моём здоровье, кто

из Хранителей уже начал шептаться о том, что взрыв в генераторном блоке — знак недовольства механизмов лично мной, и кто из Совета зрителей, по слухам, отреагировал на аварию с подозрительным спокойствием, точно ожидал её заранее.

Последнюю деталь я отметила про себя особо, стараясь не показать, насколько внимательно её слушаю.

— Кто именно из Совета? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал между делом, а не как часть допроса.

— Говорят, зритель Гаврилов, — ответила Лада, понижая голос, будто произносить это имя вслух само по себе было небезопасно. — Но это просто слухи, Зоя. Не стоит их повторять никому за пределами этой комнаты.

— Не буду, — пообещала я, и на этот раз обещание было полностью искренним — не из страха, а потому, что уже понимала: любое преждевременное слово может спугнуть того, кого я только начинала выслеживать.

Уходя, она вдруг остановилась у двери, порылась в кармане фартука и протянула мне на ладони кольцо — потемневшее, с гравировкой.

— Закатилось под койку, — сказала она. — Марфа хотела выбросить, а я подумала — вдруг твоё.

— Моё, — сказала я, сжимая тёплый металл в кулаке, и это была самая простая правда из всех, что я произнесла за день.

Когда Лада наконец ушла, пожелав мне спокойной ночи и оставив у постели свежую кружку воды, я осталась одна в темнеющей комнате, слушая, как далёкий гул генератора становится единственным звуком в мире, где всё остальное затихло до утра.

Я думала о журнале Богдана, который завтра окажется у меня в руках. Думала о Гаврилове, чьё имя произнесли шёпотом дважды за один день. Думала о Максиме, стоящем у двери с вопросом, на который я не смогла ответить честно.

И думала о том, что впервые за долгое время у меня не было ни малейшего желания, чтобы это тело оказалось последней остановкой перед новым скачком. Здесь было дело, которое стоило довести до конца, — и человек, ради которого стоило рискнуть задержаться немного дольше обычного.

Глава 3. Почерк Богдана

К утру третьего дня я впервые смогла встать без постоянной помощи — шатаюсь, держась левой рукой за грубо сваренную раму койки, но на своих ногах, и это ощущение оказалось куда более убедительным доказательством возвращения к жизни, чем всё, что говорила Марфа накануне, меняя повязки и качая головой над тем, как быстро затягивается инфекция, которую сама же ещё позавчера считала смертельной.

— Не понимаю, — призналась она, ощупывая край раны с недоверием человека, привыкшего к куда более медленным победам. — Такого я не видела за все годы. Может, состав Богдана всё-таки лучше, чем я думала. Может, тебе просто повезло. В любом случае — не геройствуй. Кожа новая, тонкая, обожжённая ткань под ней ещё слабая.

С правой руки она сняла тяжёлую повязку, заменив её лёгкой, — ожог там оказался милосерднее, чем на боку и плече, и пальцы, хоть и стянутые новой кожей, слушались. «Не вздумай нагружать», — сказала она. Я кивнула, заранее зная, что соврзу.

Спорить я не стала, хотя уже знала: сегодня я выйду за пределы этой комнаты, что бы ни говорила Марфа. Не из упрямства — из необходимости, которая ощущалась почти

физически, как давление в контуре, ищущее выход. Каждый час, проведённый в постели, был часом, в который где-то на станции, возможно, готовился следующий «гнев механизмов».

Максим появился ближе к полудню — не постучав, просто открыв дверь, будто между нами формальности были больше не нужны. В руках у него был свёрток из промасленной ткани, перевязанный бечёвкой, потрёпанной от долгого использования.

— Ты выглядишь лучше, — сказал он, оглядев меня, стоящую у койки, с той смесью облегчения и настороженности, которая, кажется, становилась у него привычной реакцией на моё присутствие.

— Марфа говорит, я слишком быстро выздоравливаю для приличной пациентки, — ответила я. — Ты принёс журнал?

Он посмотрел на свёрток в руках так, точно только сейчас вспомнил о его содержимом, хотя я не сомневалась: он думал об этом всё утро.

— Принёс, — сказал он. — Но сначала — воздух. Тебе нужно выйти отсюда хоть на час, иначе ты сойдёшь с ума раньше, чем от твоих ожогов случится что-то плохое. Я ви-

жу это по тому, как ты стоишь. Так стоят люди, которых заперли.

Он был прав больше, чем мог знать, — не про заперли в комнате, а про заперли в незнакомом теле, в незнакомом мире, где каждая деталь требовала расшифровки прежде, чем становилась понятной. Прогулка по Периметру была не просто желанной передышкой — она была первой возможностью увидеть систему целиком, а не по кускам, вырванным из чужих реплик.

— Хорошо, — сказала я. — Веди.

Периметр оказался больше, чем я представляла себе по разрозненным упоминаниям Лады и Марфы, — не деревня, а скорее укреплённый посёлок в несколько сотен жителей, выстроенный кольцами вокруг центрального технического узла, чей силуэт возвышался над остальными постройками характерными очертаниями старой промышленной архитектуры: труба, резервуары, приземистое здание с толстыми стенами, явно спроектированное задолго до того, как мир, в котором его строили, рухнул.

— Станция, — сказал Максим коротко, проследив за моим взглядом. — Генератор, водоочистка, то, что осталось от

медблока, — всё в одном комплексе. Строили с расчётом на автономность, судя по тому, что от неё уцелело. Старый мир умел строить надолго.

— А мы разучились это понимать, — сказала я, не как вопрос, а как наблюдение, подтверждённое всем, что я успела увидеть за последние минуты: люди вокруг нас двигались по улочкам Периметра с той обыденной настороженностью, что свойственна жителям места, где ресурсы всегда на пределе, где каждый лишний расход воды или света — предмет учёта, а не привычки.

Максим не ответил сразу, но выражение его лица подтвердило мою догадку лучше любых слов.

Мы прошли мимо площади, где несколько человек в одежде с уже знакомыми мне ритуальными нашивками — такими же, как у Лады — стояли полукругом перед грубо сколоченным алтарём, украшенным деталями явно механического происхождения: обрывки проводов, старая печатная плата, закреплённая в центре композиции как икона. Один из них, старик с седой бородой, читал нараспев слова, часть которых звучала как искажённые технические термины, стёршиеся за десятилетия устного повторения.

— «Да не прервётся ток, что несёт нам свет и жизнь, да

смилоствится генератор над детьми своими», — тихо перевёл Максим то, что я не сразу разобрала на слух. — Хранители читают это перед каждой сменой зрителей станции. Считается, что без обряда механизмы работают хуже.

— А без обряда механизмы действительно работают хуже? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал не насмешливо, а искренне заинтересованно.

— Нет, — ответил Максим без колебаний. — Но попробуй докажи это тому, кто вырос, слушая эти слова с рождения. Обряд ничего не чинит и ничего не портит. Чинит и портит то, что происходит внутри самой станции, — руки, которые её обслуживают, или руки, которые её саботируют. Обряд — просто занавес, за которым удобно спрятать и то, и другое.

Мы прошли дальше, минуя ряд построек, которые Максим называл жилыми блоками Хранителей, — более благоустроенных, чем хижины на окраине, где, по его словам, ютились внешники, те немногие счастливицы, кому позволили укрыться за стеной Периметра, но не позволили подняться выше низшей ступени его иерархии.

— Ты говоришь об этом так, будто сам не веришь в справедливость этого порядка, — заметила я.

Максим бросил на меня быстрый взгляд — не удивлённый, скорее оценивающий: похоже, прикидывал, насколько откровенным можно быть на открытой улице, где чужие уши всегда где-то рядом.

— Я смотритель станции, Зоя, — сказал он тихо. — Не философ. Моя работа — чтобы генератор работал, вода очищалась, а Совет не задавал вопросов о том, как именно я этого добиваюсь. Что я думаю о справедливости порядка — вопрос, на который у меня нет роскоши отвечать вслух.

Это было честнее, чем я ожидала, — и одновременно печальнее: человек, достаточно умный, чтобы видеть механизм власти насквозь, слишком встроенный в этот механизм, чтобы позволить себе действовать иначе, чем позволяет его роль.

Мы дошли до края посёлка, туда, где стена из ржавого металла и бетонных блоков образовывала видимую границу между Периметром и остальным миром, и Максим остановился, глядя за неё устало и привычно — этот пейзаж был знаком ему до последней детали.

— Что там? — спросила я, кивнув за стену.

— Внешние земли, — ответил он. — Развалины старых городов, одичавшие, изредка — другие анклавы, такие же, как наш, только беднее или удачливее. Я бывал за стеной несколько раз, по делам станции. Не так страшно, как рассказывают Хранители, но и не так безопасно, как хотелось бы.

Он замолчал на мгновение, и я увидела, как что-то мелькнуло в его лице — воспоминание, которое он решил не озвучивать сейчас.

— Пойдём, — сказал он наконец. — Тебе хватит на сегодня прогулок. Журнал ждёт.

Мы вернулись в мою комнату, и Максим, убедившись, что дверь плотно закрыта, развернул свёрток на столе — тот самый, где ещё вчера лежали инструменты Марфы. Внутри оказалась потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, испещрённая записями настолько плотным почерком, что страницы выглядели скорее чертежами, чем текстом.

— Журнал Богдана, — сказал Максим, разглаживая обложку ладонью с той бережностью, с какой прикасаются к вещи, принадлежавшей кому-то, кого больше нет. — Он начал вести его года три назад, кажется. Записывал каждый сбой

станции, каждую странность, которую замечал. Я читал его десятки раз, но многого не понимаю — там технические обозначения, которые он использовал для себя, без объяснений для постороннего.

Я открыла тетрадь на первой странице и сразу почувствовала знакомое, почти физическое облегчение узнавания: почерк был чужим, но система обозначений — своей. Не идентичной той, которой пользовалась я в лаборатории Ирины, но достаточно близкой, чтобы расшифровать логику записей без долгого привыкания. Богдан фиксировал показания приборов, время сбоев, погодные условия, нагрузку на контуры — данные инженера, привыкшего искать закономерность в цифрах, а не оправдание в мистике.

— Он был методичен, — сказала я вслух, пролистывая страницы. — Здесь всё структурировано: дата, узел станции, симптомы перед отказом, его собственная версия причины.

— Ты можешь это прочесть? — спросил Максим, наклоняясь ближе, чтобы заглянуть через моё плечо.

— Могу, — ответила я, и в этот раз не стала придумывать оправдание для того, насколько легко мне это далось, — просто сосредоточилась на записях, позволяя Максиму сделать собственные выводы о причинах моей внезапной ком-

патентности, если он захочет их делать.

Первые страницы описывали сбои, укладываемые в обычную статистику износа: старый насос водоочистки, перегрузка на второстепенном контуре в разгар зимы, когда потребление электричества росло из-за обогрева жилых блоков. Богдан помечал эти случаи коротким «естественный износ» и переходил к следующей записи.

Но примерно на середине тетради тон записей менялся.

«17 число, восьмой месяц. Отказ клапана регулировки давления в системе водоочистки. Клапан был заменён четыре месяца назад, новый, износ минимален. Характер повреждения — не соответствует обычной усталости металла. Похоже на точечное ослабление шва, будто кто-то намеренно подпилил соединение изнутри, там, где это не видно при обычном осмотре».

— Максим, — сказала я, останавливаясь на этой странице. — Он подозревал саботаж уже здесь. Задолго до собственной смерти.

— Я знаю, — сказал Максим тихо. — Читай дальше. Дальше хуже.

Я перелистнула ещё несколько страниц, и записи становились всё тревожнее — не в эмоциональном тоне, Богдан оставался методичен до последней строки, а в содержании. Он фиксировал закономерность: каждый отказ, вызванный, по его мнению, не естественным износом, происходил на узле, чей ремонт затем требовал временного ограничения ресурсов для всего посёлка

— то воды, то электричества, — и каждое такое ограничение сопровождалось усилением контроля со стороны Совета смотрителей над распределением того, что осталось.

«3 число, десятый месяц. Обратил внимание: за последний год все "аварийные" отказы происходили на узлах, чей ремонт даёт Совету повод для нормирования. Ни разу — на узле, отказ которого просто неудобен без политических последствий. Совпадение возможно. Но статистически маловероятно при случайном распределении износа по системе».

Я подняла глаза от тетради и встретила взгляд Максима — он смотрел на меня с напряжением человека, ожидающего подтверждения того, во что боялся поверить в одиночку слишком долго.

— Он был прав, — сказала я. — Это не случайное распределение. Случайный износ распределяется по системе более-менее равномерно, с поправкой на возраст и нагрузку

конкретных узлов. То, что описывает Богдан, — целенаправленный выбор целей, дающий максимальный политический эффект при минимальном техническом усилии. Кто-то выбирал не то, что легче всего сломать. Кто-то выбирал то, что выгоднее всего сломать.

— Кто мог это делать? — спросил Максим. — Технически, я имею в виду. Кто имеет доступ к этим узлам настолько, чтобы устроить точечное повреждение, не привлекая внимания?

Это был правильный вопрос — тот самый, с которого начинается любое настоящее расследование: не «кто хотел», а «кто мог физически это сделать». Мотив без возможности — пустое подозрение. Возможность без мотива — просто список персонала.

— Список короткий, — сказала я, пролистывая журнал дальше в поисках подтверждения собственной логики. — Нужно понимать станцию настолько, чтобы знать, где именно повредить узел, не разрушив его полностью, и не быть при этом настолько на виду, чтобы вызвать подозрение при каждом отказе. Хранители, обслуживающие ритуал, для этого не годятся — они не понимают станцию достаточно, чтобы выбирать точки повреждения так тонко. Значит, это кто-то из немногих, кто действительно знает механику узлов. Ты.

Богдан, пока был жив. Я — точнее, Зоя. И, возможно, ещё кто-то, кого мы пока не знаем.

Максим молчал, и по его лицу я видела, как он проходит через ту же цепочку рассуждений, к которой я подводила его специально, — потому что список подозреваемых, очерченный логикой, был слишком мал и слишком близок к нам обоим, чтобы он мог остаться равнодушным.

— Есть ещё один человек, — сказал он наконец, медленно, через силу произнося имя, которое явно давно вертелось у него в голове, но которое он не решался озвучить раньше. — Технически подкованный, вхожий в станцию без лишних вопросов, потому что формально уполномочен инспектировать её состояние от имени Совета.

— Кто?

— Дементий, — сказал Максим. — Личный порученец Гаврилова. Числится инженером-инспектором, хотя на деле почти не занимается ремонтом — только осмотрами, отчётами, проверками состояния узлов якобы для отчётности Совета. У него есть доступ к любой части станции в любое время, и никто не задаёт вопросов, потому что это его официальная обязанность.

Пазл, который выстраивался в моей голове с того момента, как я прочла первую тревожную запись Богдана, приобрёл ещё одну деталь — не завершённую картину, но достаточно ясный контур, чтобы понять, в каком направлении двигаться дальше.

— Значит, у нас есть исполнитель с доступом, — сказала я, — и, вероятно, заказчик с мотивом. Но нам нужны доказательства, а не логическая цепочка, Максим. Совет не реагирует на подозрения инженера-техника против собственного порученца.

— Какие доказательства тебе нужны?

Я захлопнула журнал, чувствуя, как усталость, о которой предупреждала Марфа, начинает возвращаться, но вместе с ней — ясность цели, которой мне не хватало с самого пробуждения в этом теле.

— Мне нужно осмотреть место последнего отказа, — сказала я. — Тот самый генераторный контур, где обгорела я — точнее, Зоя. Если это было не случайностью, там должны остаться следы, которые Совет и Хранители спишут на «гнев механизмов», но которые инженер прочитает иначе. Ты можешь провести меня туда завтра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.